

АНТИЧНЫЙ
МИР

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

РАССКАЗЫ
О ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ

Античный мир

Сборник

**Римская Республика. Рассказы
о повседневной жизни**

«ВЕЧЕ»

1913

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Сборник

Римская Республика. Рассказы о повседневной жизни /
Сборник — «ВЕЧЕ», 1913 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-8821-4

Золотой век Древнего Рима, длившийся около 500 лет. Период Республики, который начался с Брута и Брутом закончился. Это было время, когда Рим был молодым городом-государством, преуспевающей страной с развитой цивилизацией и, наконец, центром борьбы за правду, которую каждый понимал по-своему. В предлагаемой книге, впервые вышедшей в 1913 г. под названием «Книга для чтения по Древней истории. Часть II. Рим — Республика», рассказывается о повседневной, частной и государственной жизни Римской Республики. Среди участников этого необычного проекта были будущие светила советской исторической науки — Н.А. Кун, В.Н. Перцев, С.И. Радциг, А.А. Фортунатов, А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, К.В.Сивков и другие. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-4484-8821-4

© Сборник, 1913
© ВЕЧЕ, 1913

Содержание

Что мы знаем об италийской старине?	6
В царском Риме	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Римская Республика. Рассказы о повседневной жизни

Составители: Н. Кун и др

Античный мир

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Что мы знаем об итальянской старине?

Н. Кун

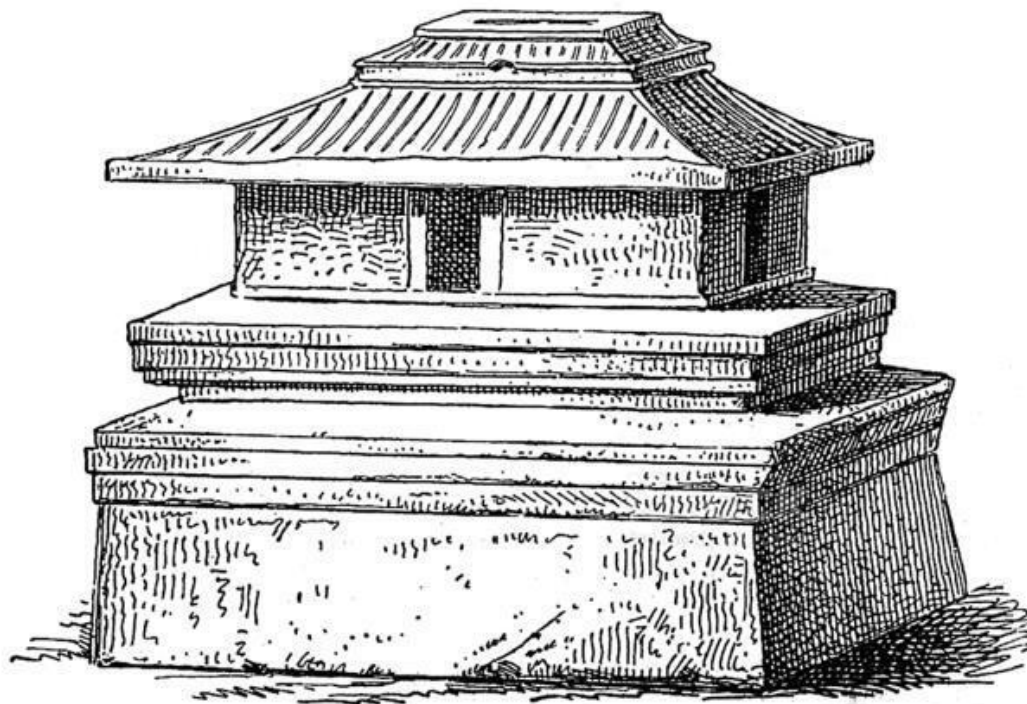
На много тысячелетий должны мы спуститься в глубь веков, если хотим познакомиться с тем, как жило в Италии ее древнейшее население. Мы должны вернуться к тем временам, когда глубокий ледяной покров скрывал под собой большую часть Европы. Суров был тогда климат Европы и бедна ее растительность. Жить человек мог только вдали от ледников. Жизнь эта была тяжелая, суровая, полная опасностей. В те времена водились в Европе и громадные пещерные медведи, и грозные пещерные львы. Порошкие косматой шерстью мамонты встречались почти всюду в Европе, много было зубров, первобытных, громадных быков и оленей с чудовищными, чуть не сажеными рогами. Северный олень водился в то время даже на самом юге Европы. В это суровое время в Италии в пещерах ютились уже первобытные дикари. Едва прикрытые шкурами диких зверей, ходили они, вооруженные плохо сделанными из камня топорами и оружием из рога и кости, на охоту. Тяжело было жить этим дикарям. Они почти не пользовались огнем и не умели даже делать глиняную посуду, в которой могли бы варить себе пищу.

Прошло много столетий. Постепенно таяли ледники, покрывавшие Европу, отступая все дальше и дальше на север. Наконец вся Европа освободилась от ледяного покрова. Теплее стало в Европе. Климат Италии стал таким же теплым, как и в наше время. Реже встречались пещерные медведи и львы. Мамонты уже не водились больше в Италии. Легче стало жить человеку. В это время в Италии появилось новое племя с более развитой культурой. Это были люди среднего роста, с низким лбом, выдающимися скулами и челюстями, впалыми маленькими глазами и вытянутым вперед подбородком. Одевались эти дикари в довольно хорошо выделанные звериные шкуры, лицо и тело раскрашивали яркой охрой. Эти новые жители Италии не жили уже, как их предшественники, в пещерах. Они строили себе жилища, похожие на небольшие круглые землянки, с конусообразными крышами из жердей и веток. Жили они главным образом охотой, хотя и были немного знакомы с земледелием и скотоводством. Занимались они и торговлей, выменивая у соседей топоры из обсидиана¹ и раковины для украшений, среди которых попадались даже раковины, привезенные с берегов Индийского океана. В могилах этих дикарей, вырытых в пещерах, находят много каменных просверленных и шлифованных топоров, изделия из рога, глиняную утварь, покрытую незатейливым рисунком. Все эти изделия доказывают, что новые пришельцы были гораздо культурнее древнейших жителей Италии, благодаря чему им легко было вытеснить их или покорить.

Много столетий спокойно жили эти дикари в Италии. Но вот за 2000 слишком лет до Р.Х. в Италии, на всем Пиренейском полуострове, на юге Франции и в Сицилии появляются новые племена. Это иберы и лигуры. Одна за другой появлялись толпы лигуров в Италии. Вооруженные не только каменным оружием, но и оружием из бронзы и меди, лигуры частью покорили, частью прогнали дикарей Италии, поселились в плодородных местностях и стали там заниматься земледелием и скотоводством. Мы мало знаем об их жизни. Но все, что дошло до нас от лигуров, говорит о том, что они далеко превосходили в своем развитии те племена, которые застали в Италии. Их глиняная посуда сделана гораздо лучше и богаче украшена. Они умеют рыть глубокие шахты, в которых добывают кремнь, знакомы с металлом и даже ведут деятельную торговлю с культурным Востоком, откуда получают бронзовые и медные изделия. Могилы их, похожие на колодцы, искусно выложены камнем и прикрыты сверху каменной, хотя и грубо, но все же обтесанной плитой, на которой иногда высечены различные изображе-

¹ Порода камня.

ния. Мы знаем еще, что лигурам были знакомы семейная жизнь и даже деление на знатных и незнатных. На их кладбищах богатые могилы стоят отдельно от бедных могил, а отсюда ясно, что знатные и богатые члены племени не хотели погребать своих умерших рядом с бедными и незнатными покойниками. Но это все, что мы знаем о жизни лигуров того времени, когда они появились в Италии.

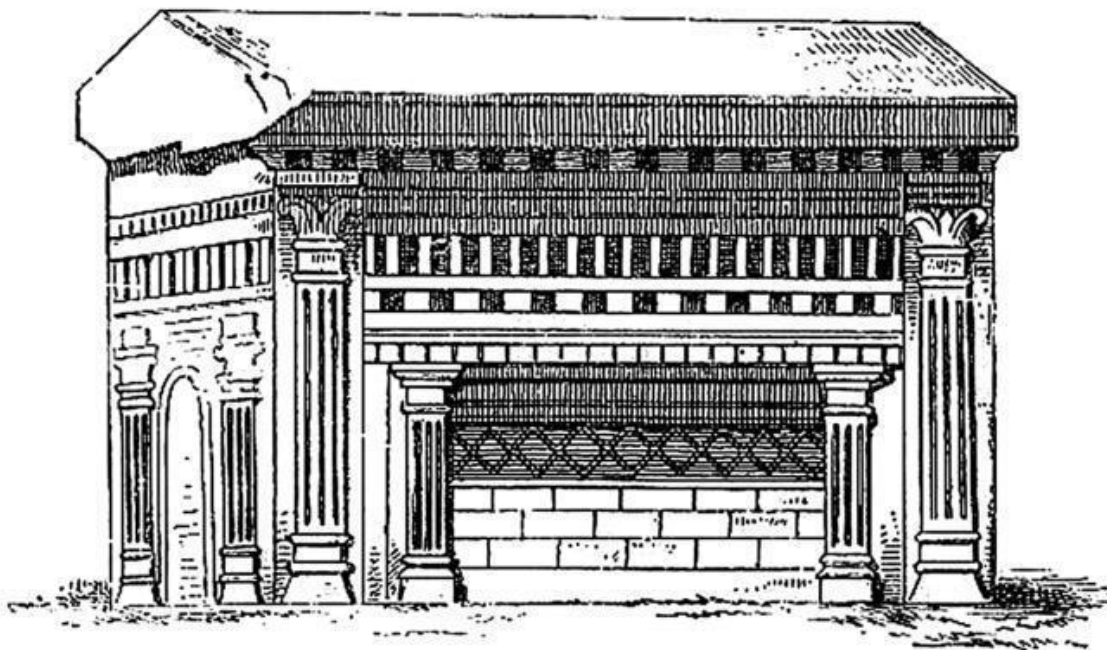

Погребальная урна (для пепла) в виде древнейшей итальянской постройки

Почти одновременно с лигурами в Италию пришел с севера, из-за Альп, еще народ. Если бы мы могли перенестись в Ломбардию того времени, то на берегах реки По и ее притоков мы увидели бы следующую картину: целая толпа людей производит какие-то работы, одни роют глубокий ров, другие насыпают вал, третьи вбивают в землю сваи – это новые пришельцы строят свайную деревню. Теперь благодаря раскопкам мы хорошо знаем устройство этих деревень на сваях. Их называют обыкновенно «террамары». Название это получилось следующим образом: крестьяне Ломбардии уже давно обратили внимание на небольшие холмы по берегам рек, сплошь состоящие из превосходной для удобрения, жирной земли (*terra mara* или *marna*). Раскапывая эти холмы, крестьяне находили в них черепки глиняной посуды, оружие из бронзы и каменные топоры. На эти находки обратили внимание ученые; они начали производить правильные раскопки в этих холмах жирной земли (*terra mara*) и нашли в них следы больших поселений. Их и стали называть «террамарами» по месту находки. Мы и постараемся восстановить картину постройки и жизни подобных «террамар».

Постройку «террамары» начинали обыкновенно весной, чтобы до наступления зимы окончить все работы. Прежде всего на выбранном для постройки поселения месте проводили две борозды, одну с востока на запад, а другую с севера на юг; эти борозды обозначали две будущие главные улицы поселения. Затем, отмерив такое четырехугольное пространство, на котором могли бы поместиться все хижины нового поселения, начинали рыть вокруг него глубокий ров и насыпали вал, укрепляя его сваями и срубами, заполненными камнями, глиной и песком. Из реки по особому каналу проводили в ров воду, чтобы она наполнила его и преградила доступ к будущему селению. Через ров перекидывали мост, построенный так, что его во

всякое время легко было сломать, и тогда «террамара» обращалась в своего рода крепость. На защищенном валом и рвом пространстве вбивали рядами сваи и покрывали их помостом. На этом помосте из соломы и прутьев строили небольшие, обмазанные глиной, круглые хижины. Все поселение пересекали две главные улицы, устроенные на насыпях, подымавшихся вровень с помостом и укрепленных по краям, чтобы они не осыпались, рядом свай. Посредине «террамары», где пересекались две главные улицы, устраивалось укрепление, защищенное внутренним рвом.

Погребальная урна в виде храма

Много труда требовала постройка «террамары» от ее жителей. Приходилось вбивать в землю тысячи свай, рыть рвы, носить камни, песок, мелкий щебень, глину. Эта работа была бы непосильна прежним жителям Италии. Но пришельцы обладали уже более совершенными орудиями; они пользовались хорошо сделанными бронзовыми лопатами, мотыгами и топорами. Работа по постройке подвигалась довольно быстро. Все эти работы выполнялись, главным образом, взрослыми мужчинами; но и у женщин и молодежи немало было своего дела. Молодежь пасла стада и целые табуны лошадей. В этом молодежи помогали большие домашние собаки, давным-давно уже прирученные жителями «террамар». Занималась молодежь и охотой. Охотились на медведей, оленей, кабанов, ланей и бобров, не брезговали и мелкой дичью, даже кротами и полевой мышью. Охотились и на птицу, она в изобилии водилась в густых камышах по берегам рек. Ловили и рыбу грубо сплетенными сетями и удочками с костяными или бронзовыми крючками. У женщин было еще больше работы и хлопот: они занимались обработкой полей, сеяли лен, полбу, пшеницу и бобы. Работа была тяжелая; обрабатывать поля приходилось ручным способом, так как плуг не был еще известен. Когда жатва поспевала, ее жали бронзовыми серпами и обмолачивали. Лен выдергивали и вымачивали, чтобы получить волокно. Из волокна пряли нитки и ткали хотя и грубую, но зато прочную материю. Наконец, женщины собирали в лесу орехи, дикие оливы, яблоки, груши и даже желуди и запасали их на зиму, а в дуплах, где водились дикие пчелы, доставали мед. Женщины приготавливали и пищу. Они растирали зерна, варили из них кашу и пекли лепешки. Хлеба еще не умели печь в те времена. Дела, как мы видим, у всех было много.

Но вот «террамара» построена, и жители поселились в ней, перенесли в свои новые хижины все ценное, что у них было: бронзовое оружие, деревянную и глиняную утварь, среди которой особенно много было сосудов с полумесяцем на ручке (*ansa lunata*), роговые и бронзовые гребни, головные булавки, фибулы (бронзовые застёжки, похожие на наши английские булавки), украшения из бронзы, рога, кабаньих и медвежьих зубов. Судя по количеству оружия и утвари, по их отличной отделке ясно было, что это уже не прежние дикари Италии, а развитый народ.

Сосуд и шлем из Виллановы

Вначале жителям «террамар» жить было просторно, но постепенно население все увеличивалось, и хижины на помостах строились все теснее и теснее. Но было и еще одно зло в «террамаре», помимо тесноты. Если и был в поселении порядок и в расположении хижин, и в жизни, то не было чистоты. Жители все свои отбросы, все, что было им не нужно, бросали прямо под помост. Громадные кучи мусора постепенно заполняли пространство между сваями, доходя местами до помоста. Мусор этот гнил и заражал воздух. Нужно было помочь как-нибудь этой беде. Жители вышли из этого затруднения очень просто. Они вбили новые сваи в груды мусора, наслали новый помост, подняли выше вал вокруг «террамары», и насыпи улиц и остались жить на старом, насиженном месте. Правда, воздух от этого не стал много чище, но зато не пришлось менять прежний порядок в расположении улиц и хижин и прежний порядок жизни. А любовь к этому порядку во всем сказывалась у жителей «террамар», даже в том, как были расположены их могилы. Жители «террамар» очень заботились о своих могилах. Они не зарывали своих умерших прямо в землю, как это делали их предшественники, но прежде сжигали трупы, а уж потом пепел и оставшиеся от сожжения кости клали в особые глиняные

сосуды, которые и ставили правильными рядами в могилах. Похороны никогда не совершались внутри поселения, могилы всегда находились вне «террамары», но поблизости от нее. От этого обычая жители «террамар» никогда не отступали.

Но кто же были эти новые пришельцы с севера? Это были первые арийцы, поселившиеся в Италии, предки латинян и римлян. Спокойно жили они по берегам реки По и ее притоков до XI в. до Р.Х. Но в конце этого века с севера двинулись в Италию новые племена. Эти племена прогнали жителей «террамар». Им пришлось покинуть свои поселения, которые они с таким трудом построили, пришлось покинуть и могилы своих предков. Спасаясь от натиска новых пришельцев, двинулись они вдоль берегов Адриатического моря на юг Италии. Они дошли до берегов Ионического моря и там остановились, но не надолго. Мы знаем наверно, что они жили некоторое время около современного города Таранто (Тарент), так как там была открыта недавно совершенно такая же «террамара», как «террамары» Ломбардии. С юга Италии жителей «террамар» прогнали народы, утвердившиеся там еще задолго до их прихода. С этими народами, пришедшими с востока, гораздо лучше вооруженными и более культурными, не могли бороться жители «террамар», им пришлось двинуться назад на север.

Наконец, после долгих странствований по Италии, прежние жители «террамар» окончательно поселились на берегах реки Тибра и в Альбанских горах, вытеснив отсюда прежних жителей, – по всем вероятностям, лигуров. Эти покрытые в то время густым вековым лесом горы с их голубыми светлыми озерами и множеством родников, с плодородными склонами привлекали пришельцев. Жизнь в долине Тибра не была так удобна, как в горах. Долина местами болотиста и нездорова для жизни; Тибр часто выходит из берегов и заливают окрестности; почва не всюду плодородна. Но новые жители боролись с этими препятствиями. Они стали осушать болота, а чтобы не страдать от разливов, они ставили свои жилища на верху холмов и главным образом на тех из них, где разросся потом «вечный» Рим.

Этрусский некрополь в Черветери

Жители «террамар» принесли с собой в места нового поселения и свою культуру, и свои обычаи. Но они уже не строили селений на сваях, они сохранили только план их с двумя пере-

секающимися главными улицами, с укреплением посредине и с валом вокруг всего селения. Принесли они с собой и свой способ погребения. Они по-прежнему сжигали трупы умерших, а пепел клали в глиняные сосуды. Изменили они только форму погребальных урн – они стали придавать им вид своих незатейливых хижин. Бывшие жители «террамар», несмотря на то что их со всех сторон теснили другие племена, ужились на новых местах; их сплоченная, проникнутая строгим порядком жизнь помогла им в этом. Так получили долина Тибра и Альбанские горы новое население. Это были латиняне, которым будущее сулило стать повелителями не только Италии, но и всего Древнего мира.

Но мы теперь покинем латинян и перейдем опять на север Италии. Новые пришельцы, которые вытеснили, как мы уже говорили, жителей «террамар», не остались жить в Ломбардии. Они прошли немного южнее и заняли всю страну на юг от реки По. Их владения простирались на восток до Адриатического моря, а на запад – за Апеннины до Тирренского моря. Это были умбры и сабелы – племена, родственные латинянам. В тех местах, где поселились умбры и сабелы, было произведено много раскопок, и благодаря этому мы довольно хорошо знаем их культуру. Из этих раскопок особенно важны произведенные в Вилланове около Болоньи и в самой Болонье. Все предметы, добытые при раскопках, ясно говорят нам, что умбры и сабелы далеко превосходили по своему развитию всех прежних жителей Италии, и даже жителей «террамар». Они были знакомы не только с бронзой, но и с железом. Вооружены они были отлично сделанными из бронзы и железа секирами, мечами, копьями, луками и стрелами. У них были шлемы, латы и щиты; они не пользовались больше каменным оружием. Утварь их богато украшена рисунками, а глиняная посуда сделана с помощью гончарного станка, который не был известен в Италии до прихода умбров и сабелов. Особенно красивы фибулы умбров, украшенные стеклянными бусами, янтарем и отлитыми из бронзы фигурками птиц и зверей. Наконец, они были знакомы с золотом и серебром. А что еще более важно – это их знакомство с письменностью. Словом, в лице умбров и сабелов мы имеем дело с культурным народом, и понятно, почему не могли бороться с ними жители «террамар».

На основании добытых при раскопках предметов мы можем судить и о той оживленной торговле, которая велась умбрами с Востоком и особенно с древнейшей Грецией. Правда, все изделия Востока сделаны лучше умбрских и сабельских, но умбры и сабелы были и сами искусными мастерами. Одна находка в Болонье доказывает нам, насколько искусны были в обработке металлов умбры. Во время работ по устройству водопровода в Болонье найден был громадный сосуд, в котором было до 15 тысяч бронзовых, великолепных по работе, топоров, бритв, ножей, серпов, наконечников для копий и стрел и фибул. Среди этих предметов очень много и совершенно новых, и сломанных. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с остатком большой мастерской для изготовления изделий из бронзы; это еще одно доказательство высоты культуры умбров. Конечно, такая развитая культура должна была оказать большое влияние на жителей Италии того времени, тем более что умбры и сабелы постепенно распространили свои владения на значительную часть ее и держали в страхе все племена, жившие с ними по соседству.

Городские стены Норбы

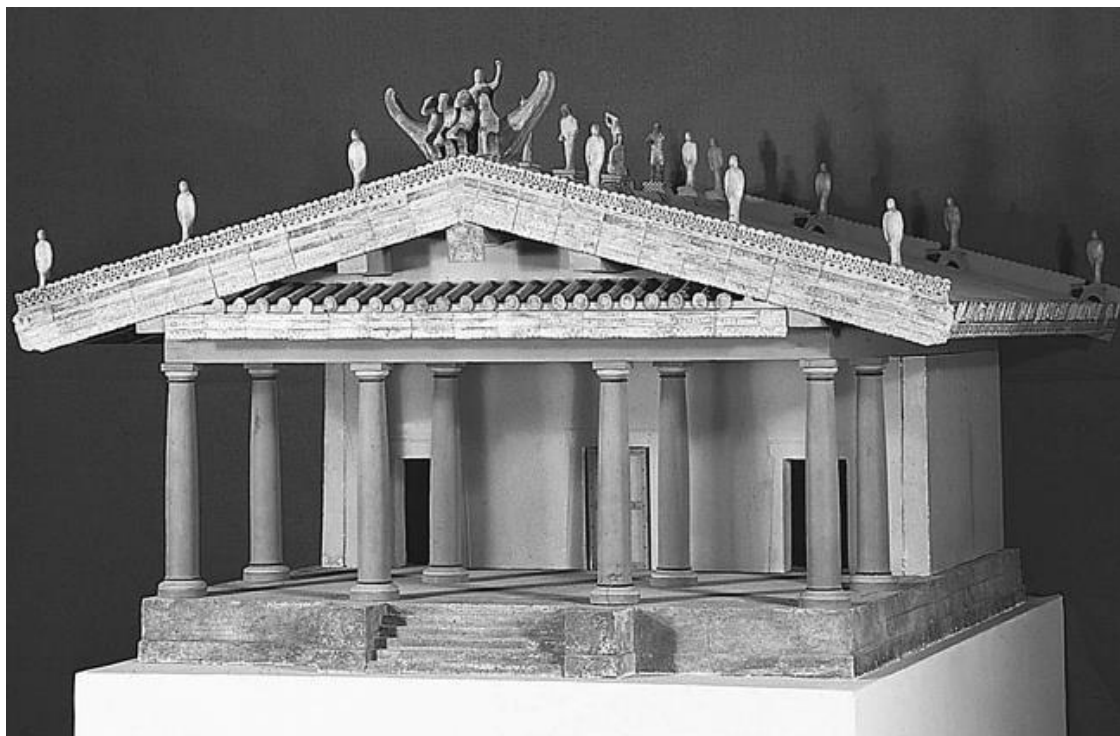
Несмотря на свою культуру и могущество, умбры и сабелы не сохранили своей самостоятельности. Они сравнительно скоро были подчинены другими народами. Причиной потери самостоятельности было прежде всего то, что умбры не знали такой строгой организации и любви к порядку, как их предшественники, жители «террамар». Этот недостаток организованности и порядка виден уже и в том, как без всякого порядка, где попало, стоят их круглые хижины, как разбросаны их колодцеобразные могилы с богато украшенными погребальными урнами.

Но кто же лишил самостоятельности умбров и сабелов, кто были эти новые завоеватели в Италии? Это были этруски.

В конце IX века до Р.Х. на побережье Тирренского моря, в Средней Италии, царил большое оживление. С кораблей одна за другой высаживались толпы новых переселенцев, приплывших из далеких стран Востока. Эти переселенцы – этруски – быстро завладели страной на север от Тибра, и здесь один за другим стали возникать их города: Вейи, Цере, Тарквинии и Вульчи. Вскоре вся местность от Тибра и до реки Арно была уже в их руках. Возникли новые города Волатера и Ветулония. Прежние жители были оттеснены на север и восток, а те, которые остались, были поработаны этрусками.

Страна, занятая новыми пришельцами, представляла массу удобств для поселения. В те времена не тянулись по берегу моря болота Мареммы и не свирепствовала там губительная лихорадка. Дальше от моря тянулись холмы, поросшие лесом, а между ними – плодородные цветущие долины. Небольшие реки орошали плодородную – вплоть до склонов Апеннинских гор – почву. Меж холмов и невысоких гор сверкали озера, с берегами, заросшими богатой растительностью. Страна была очень удобна и для земледелия, и для скотоводства. Кроме того, в горах около Волатеры и Ветулонии находились богатые залежи меди, были также и серебряные рудники (Montieri), а на острове Эльба, отделенном узким проливом от берегов Ита-

лии, были богатейшие залежи железа. Были в стране и ломки мрамора и алебастра и отличная глина для посуды. Нужны были только энергия и труд, чтобы процвели в такой богатой стране города этрусков. И действительно, они скоро прославились своими изделиями из меди и железа, льняными тканями и искусно сделанной глиняной посудой. Этруски вырубали леса по склонам холмов и гор и развели на них виноградники; долины между холмами и по берегу моря были распаханы, и на них зазеленели нивы. Стали деятельно разрабатывать железные, медные и серебряные рудники и ломки камня. Этруски оказались действительно предприимчивым народом, быстро использовали они те выгоды, которые предоставила им их новая родина.

Этрусский храм (по Витрувию)

Все могущественнее и богаче становились города этрусков. Трудно было умбрам и сабелам бороться с прекрасно вооруженными этрусками; за Апеннины приходилось им отступать перед стройным войском этрусков. Недолго сдерживал этрусков и быстрый Тибр, служивший защитой Лациуму; они прорвались за Тибр, и Лациум должен был им покориться. Даже на Кампанию распространили они свою власть. Они не ограничились завоеваниями на юге, но они двинулись и на север, за Апеннины, в плодородную долину реки По. В конце VII века этруски были самым могущественным народом во всей Италии, она почти вся находилась под их властью. Но не только грозными завоевателями были этруски для народов Италии, они оказались во многом и их учителями. Придя в Италию с востока, они познакомили ближе жителей Италии с восточной культурой и главным образом с культурой Греции. Мы и постараемся теперь поближе познакомиться с культурой могущественных этрусков.

Этрусское бронзовое зеркало с изображением суда Париса

В Этрурии во времена ее высшего расцвета, в VII и VI веках, было много богатых и могущественных городов. Города эти были почти все построены на вершинах гор или холмов. Высокие стены, сложенные из громадных, правильно обтесанных каменных глыб, окружали эти города и делали их неприступными крепостями. В город вели ворота с искусно сделанной аркой, строить которую этруски научились еще на Востоке. Улицы города были, правда, узки и тесны, но зато правильно расположены и вымощены каменными плитами. В городах были устроены даже стоки для воды и для нечистот. Посередине города на искусственно сделанном возвышении, облицованном камнем, возвышались храмы богов. Фасады храмов, обращенные на юг, поддерживались четырьмя колоннами, за ними находилось как бы преддверие храма с двумя колоннами, за преддверием был вход во внутреннее четырехугольное помещение, в котором и находились изображения богов. Двухскатная кровля храма была крыта черепицей. На фронте находились скульптурные изображения богов и героев, сделанные из глины.

Мы хорошо знаем план храмов этрусков, но что касается частных домов, то о них мы знаем сравнительно очень мало. Можно думать, что они не были больших размеров и не отличались особенно красивой архитектурой. На улицу выходили обыкновенно лавки и склады. Дверь с аркой вела с улицы в вестибюль, за которым находилась приемная, а за ней небольшие

жилые комнаты. Из всего сказанного мы видим, как мало были похожи незатейливые поселения прежних жителей Италии на города и дома этрусков.

В городах Этрурии велась бойкая торговля. На улицах городов сновала толпа купцов, ремесленников и крестьян из ближайших окрестностей. Постоянно встречались в этой толпе купцы из Карфагена, из Сицилии, из греческой колонии Кум (с берегов теперешнего Неаполитанского залива), купцы из Греции и с Востока, из Финикии и Кипра. Вот идет карфагенский купец, за ним рабы несут слоновьи клыки, ящики с курениями и сосуды с благовонными маслами. Это все очень бойкий товар, который высоко ценится изнеженной и любящей роскошь этрусской аристократией. Ценятся этрусками и греческие вазы. Их в изобилии вывозят в Этрурию Кумы, Коринф и Афины. Целыми рядами стоят они в лавках, и этруски с восторгом любуются их изящной формой и прекрасной живописью на них. На площадях толпятся крестьяне, они привезли в город продукты своих полей, садов и огородов и пригнали скот. Здесь же и рыбаки предлагают покупателям морскую рыбу и рыбу рек и озер Этрурии. Купцы же этруски торгуют медной и железной рудой – главным богатством Этрурии. Торгуют они и изделиями из меди и бронзы, особенно же славившимися в Греции и на Востоке этрусскими зеркалами из полированной бронзы и меди, с выгравированными на них сценами из греческой мифологии. Мастерские ремесленников находятся здесь же поблизости. Из мастерских металлических изделий раздаются удары молота мастера, выковывающего медную утварь, а рядом с ним другие мастера куют из железа мечи, наконечники для копий и другое оружие. Тут же рядом мастерская сапожника – и этот товар в большом спросе, особенно в Греции.

Но купцы-этруски торгуют не только в своих городах, они отваживаются на далекие морские путешествия и в Карфаген, и в Грецию, и на Восток. Все теснее становятся торговые сношения между Этрурией и Грецией; они не прекращаются даже тогда, когда морскому могуществу этрусков сильный удар наносят сицилийские греки; торговля этрусков с Грецией переходит в руки сиракузян, но остается по-прежнему очень оживленной. Такая обширная торговля, а также и развитие ремесел делали города Этрурии очень оживленными и богатыми, вся жизнь сосредоточивалась в них – и особенно в тех, которые лежали ближе к морю.

Но не одной торговлей, ремеслами и земледелием занимались и интересовались этруски. Вот по улицам города, сверкая своими доспехами в ярких лучах солнца, проходит отряд воинов. Они в шлемах с перьями, вооружены длинными копьями, мечами и круглыми большими щитами. Во главе отряда едет верхом предводитель в богатых золоченых доспехах. Это один из видных аристократов с своим отрядом возвращается из набега на соседнее племя. Этрусская знатная молодежь охотно участвует в подобных набегах, набирая из своих крестьян отряды воинов. Эти удалые набеги захватывают их больше, чем охота, верховая езда, кулачные бои и гимнастика мирного времени. Долго живет в народе, после набегов и войн, слава подвигов предводителей; долго повторяют имена героев – Макстрны, Кайлэ Випены, Аулэ Випены и других.

Сцена охоты и рыбной ловли. Роспись гробницы. Тарквиния

Часто на улицах этрусского города можно было видеть и следующую картину. На богато украшенной бронзой колеснице, запряженной двумя конями в великолепной, сверкающей золотом сбруе, едет властитель города, одетый в пурпур, с золотой диадемой на голове и с золотыми браслетами и запястьями на руках. За ним идет пышная свита в роскошных одеяниях – это виднейшие аристократы города. Среди свиты выделяются своими длинными белыми одеждами жрецы. Народ на улицах расступается перед этой пышной процессией и низко склоняется перед властителем города. Он имеет большую власть и делится ею только с приближенными своими и аристократией. Аристократы Этрурии богаты и сильны. В их руках находится почти вся земля. Целые толпы крестьян, находившихся почти в рабской зависимости от аристократов-помещиков, работают на их землях, доставляя изнеженным аристократам все, чем богата Этрурия. Аристократы твердо держат в своих руках власть. Они заседают в собрании союзных городов. Властители городов – из их же числа. Жрецы, которые имеют такое большое значение в Этрурии и пользуются громадным почетом, избираются исключительно из аристократов. Да и торговля благодаря власти и богатству аристократии в ее руках. Пышно, в роскоши живут в городе аристократы, окруженные целым штатом рабов, которые должны удовлетворять их прихоти. Рано стали славиться этрусские аристократы не только в Италии, но и за ее пределами своей изнеженностью и любовью к роскоши. А в полях Этрурии, в горах, где добывают руду и ломают камень, в бедных хижинах ютятся остальные жители, терпя постоянную нужду и неся непосильный труд. В городах же ремесленники стонут от тяжелой работы в мастерских. И ненавидят крестьяне, рабочие в рудниках и каменоломнях и ремесленники изнеженных, развращенных аристократов – своих угнетателей.

Но рознь в Этрурии существует не только между высшим и низшими классами. Нет прочной связи и между отдельными городами. Они часто враждуют друг с другом, а иногда даже дело доходит и до войны между ними, хотя и существует союз всех городов Этрурии и все общие дела решаются на собраниях – у главного святилища богини Вольтумены, каждую весну. На этих собраниях представителей всех городов Этрурии обыкновенно бывало очень оживленно. Туда съезжалась почти вся этрусская аристократия. Аристократы стремились превзойти друг друга пышностью своей свиты, богатством одежд и роскошью своих пиров. Поэтому

собрания, на которых решались общие дела и выбирался верховный жрец Этрурии, обращались в сплошные празднество и пир. Устраивались одни игры за другими. Здесь были и кулачные бои, и ристания на колесницах, и столь излюбленные в Этрурии бои гладиаторов. Устраивались и роскошные пиры. Этруски возлежали за пиршественным столом, уставленным всевозможными яствами на золотых и серебряных блюдах; пирующих увеселяли танцовщицы и танцовщики; музыканты играли на лирах; пели хоры певцов. Мальчики разносили пирующим вино в греческих вазах и наливали его в драгоценные кубки и чаши. В особых курильнях курились благовония. Всюду видна была роскошь, которую так любили этруски.

Типичная фигура этруска на крышке саркофага из Кьюзи

Действительно, эта любовь к роскоши, к блеску видна в Этрурии во всем: в одежде и в утвари, в пирах и в играх, в религиозных процессиях и в жертвоприношениях и, наконец, в могилах. Этим могилам мы и обязаны главным образом всем, что знаем об искусстве, религии, обычаях и нравах этрусков. Этруских могил известно нам теперь очень много. Некоторые из них поражают своей роскошью и величиной. Часть могил высечена в скалах, часть же устроена в насыпанных курганах. Могилы эти – своего рода подземные склепы, своды которых поддерживают иногда колонны, а стены украшены скульптурными изображениями и живописью. На стенах изображены: пирующие этруски, процессии, сцены из военной жизни, юноши, скачущие на конях, состязания на колесницах, кулачные бои, охота на птиц, рыбная ловля. Трудно и перечесть все, что изображалось на стенах могил. Особенно интересны изображения подвигов этруских героев. Есть изображение, как знаменитый герой Макстрна освобождает другого героя, Кайлэ Випену, из плена, в который тот попал к Кневэ Таргу Румах². Или же изображается, как скованный по рукам и ногам герой всеми силами обороняется от собаки, которую натравливает на него мужчина в высокой остроконечной шапке и в маске. Наконец, среди изображений на стенах могил часто встречаются сцены из этруской и греческой мифологии.

² Гней Тарквиний Римлянин.

В могилах тела умерших в роскошных одеждах с золотыми украшениями или же в полном вооружении, лежат в саркофагах. Саркофаги украшены живописью и скульптурой. На крышке их часто помещалось изображение умершего, как бы возлежащего за пиршественным столом. Иногда рядом с изображением умершего помещено изображение его жены. Чего только не находят в этих саркофагах: золотые нагрудники с рельефными изображениями целых сцен, золотые браслеты, кольца, диадемы, великолепные ожерелья, подвески, серьги и множество фибул тонкой работы, которая сделала бы честь и современному золотых дел мастеру. А в могилах во множестве стоит роскошная бронзовая утварь с вычеканенными процессиями воинов и изображениями сказочных крылатых животных. Здесь же стоят большие глиняные сосуды и великолепно расписанные вазы замечательно тонкой работы и прекрасные по своей форме.

Этруская бронзовая шкатулка с изображением битвы амазонок (найдена в Вульчи)

Но если мы будем внимательно рассматривать все эти изделия этрусков и главным образом их вазы, то мы заметим, что этруски не были самостоятельны в своем искусстве. Они великолепно умели подражать произведениям искусства тех народов, с которыми вели торговлю, и прежде всего, конечно, подражали произведениям Греции. Греки оказали такое влияние на этрусков и на их искусство, что часто бывает очень трудно отличить изделия греков от изделий этрусков, с таким совершенством копировали этрусские мастера греческие подлинники. Сильнее всего греческое влияние сказывается в бронзовых, золотых и серебряных изделиях этрусков. Их круглые щиты, богатые золотые нагрудники, диадемы и фибулы как бы вышли из рук греков. Но бронзовые статуэтки бегущих юношей, воинов, юноши с лошадью, статуи богов и богинь, вообще те изделия, в которых легче почувствовать богато одаренного художника, сразу дают нам заметить, что изготовляли их не художники Греции, а ремесленники-этруски, бывшие хорошими мастерами, а не талантливыми художниками. Все эти изделия при хорошей

работе отличаются от греческих некоторой грубостью. Эта грубость вообще свойственна была этрускам, она чувствуется не только в их искусстве, но и в их жизни, нравах и обычаях. Уж одна любовь к гладиаторским боям говорит о грубости их вкусов.

Сказывается грубость и в их религии, тут она часто соединяется с жестокостью. Мы, например, достоверно знаем, что этруски даже в исторические времена приносили своим богам человеческие жертвы. К сожалению, мы очень мало знаем о богах этрусков. Поклонялись этруски богине Юноне, богине Минерве и богу Юпитеру, тем богам, которым был выстроен позднее храм на римском Капитолии. Был у них и бог Солнца, мечущий громовые стрелы бог Марс, бог моря и морской пучины Нептун, богиня красоты и любви Афродита и бог вина Дионис. На основании имен богов мы можем заключить, что многие из богов заимствованы этрусками у более культурных греков и у их ближайших соседей – латинян. Итак, мы видим, что и в религии этруски не были самостоятельны. Даже мифы о богах заимствовали они у греков. Они восприняли у них, главным образом, те мифы, которые носили на себе характер жестокости. Правда, были у этрусков и собственные, незаимствованные божества, которым они поклонялись еще на своей прежней родине, на Востоке. Среди этих богов было много и грозных, неумолимых демонов, но о них мы не знаем ничего, кроме их имен.

Представление о загробной жизни этрусками заимствовано тоже у греков. В их загробном мире правят бог Гадес и богиня Персефона. На одной из гробниц есть даже изображение пира Гадеса и Персефоны в подземном царстве. В царство умерших ведет души грозный демон Харон, он же подвергает тяжким наказаниям нечестивых и сторожит души в загробном мире. Ему помогают страшный демон с змеями в руках – Тухулха и две мрачные богини смерти. Но что особенно интересно в верованиях этрусков, это их вера в то, что боги открывают людям свою волю в различных знамениях. Эти знамения нужно только уметь различать и толковать. По полету птиц, по изгибам молнии, по печени и внутренностям жертвенных животных можно узнать волю богов, узнать и то будущее, которое сулят боги. Большое число жрецов занимались этими гаданиями. Они одни знали все тайны знамений и умели в них разбираться. Этруски, как и все люди, стремились узнать волю богов и свое будущее и обращались к жрецам. Понятно, что жрецы, умевшие разбирать знамения богов, должны были пользоваться большим влиянием в Этрурии. Узнавать волю богов стремились и другие народы Италии; этому они учились у этрусков. Особо ревностными учениками этой таинственной науки были римляне; они целиком восприняли ее у этрусских жрецов, которые и сами когда-то, еще на своей старой родине в глубокой древности, учились ей у вавилонян.

Зевс на троне (роспись этрусской вазы)

Но не одной науке гадать научились народы Италии у этрусков. Они научились у них искусству строить дома, городские стены, мостить улицы, проводить каналы, строить стоки для нечистот и возводить арки. Этрусски были и первыми строителями храмов в Италии. Они же научили народы Италии лучше обрабатывать металлы, ковать оружие, делать утварь и многому другому. Неизгладимые следы своего влияния оставили этрусски и в Риме. Даже одежду своих царей, а после и консулов, пышные триумфы, игры и религиозные церемонии получили рим-

ляне от этрусков; и древнейшие сооружения в Риме – дело рук этрусков. Словом, мы можем с полным правом еще раз сказать, что этруски были не только завоевателями, но и учителями Италии.

Но у этрусков рано появляются в самой Италии соперники, которые сильно ослабили влияние их на народы Италии. Этими соперниками были греки из греческих колоний на юге Италии, главным образом жители колонии Кум, о которой нам приходилось уже упоминать. Со второй половины VIII века возникают на юге Италии и в Сицилии греческие колонии³. Постепенно эти колонии становятся все могущественнее и все дальше распространяют свое влияние. Они оказывают и на италийцев столь же сильное влияние, какое раньше оказали на могущественных этрусков. Италийцы знакомятся теперь с культурой Греции уже не при посредстве этрусков, а благодаря сношениям с самими греками. Греческое влияние все шире и шире разливается по всей Италии. Значение Этрурии как культурного государства начинает падать. Но падает не только культурное влияние этрусков, падает и их могущество. И этрускам, несмотря на всю их мощь, не удалось остаться независимыми; не им должно было принадлежать господство над всей Италией. Жестокие, склонные к роскоши, изнеженные, увлекающиеся пышными церемониями, застывшие в своем аристократическом образе правления под властью своих жрецов, этруски не могли долго удерживать власть над большей частью Италии. Этрурию губила та рознь, которая существовала между аристократией и низшими угнетенными классами, губили ее и постоянные раздоры между союзными городами. Не в силах были этруски бороться в одно время и с появившимися в V веке на севере Италии кельтами и со становившимся все более и более могущественным Римом на юге. Этрурия должна была потерять свою самостоятельность и потеряла ее.

Бронзовая химера из Арецо (с этрусской надписью)

³ См. «Древняя Греция. Рассказы о повседневной жизни», ст. «В новые страны».

Вот что знаем мы о жизни древнейшей Италии. Много народов приходило в Италию и с юга, и с севера, и с востока, селилось и жило в ней. Богатства Италии, ее климат привлекали эти народы, искавшие себе новых мест для жизни, – потому ли, что их прогнали с прежних мест поселений их соседи, или потому, что тесно было им жить на прежней родине. Как волны, прокатывались они по Италии, оставляя в ней памятники своей жизни. Более культурные народы, лучше приспособленные к жизни, прогнали или покорили своих менее культурных предшественников и поселились на их месте. В некоторых местах Италии раскопки показали нам с необычайной ясностью, как на одном и том же месте, сменяя друг друга, жили эти народы в течение многих тысячелетий, начиная с дикарей древнейшего каменного века. Глубоко в земле найдены грубые каменные топоры первобытных дикарей – это древнейший каменный век. Протекло много веков. Пришли другие народы, с более развитой культурой, и поселились на том же месте, прогнав этих дикарей. Над слоем, в котором лежат грубые каменные топоры, образовался новый слой с просверленными и шлифованными каменными топорами, остатками глиняной утвари и других изделий – это следы жизни эпохи нового каменного века. Прошло еще много веков. Опять появились на этом же месте новые пришельцы, они принесли с собой изделия из бронзы и меди. И над слоем каменного века образовался еще слой – это бронзовый век. А выше, спустя столетия, лежал уже новый слой; в нем есть и оружие из железа. Но каким же народам суждена была власть над Италией? История сулила ее бывшим жителям «террамар», которые поселились после долгих странствований на берегах Тибра. И мы находим в самом верхнем слое, близко от поверхности земли, изделия «вечного Рима», покорившего Италию, а за ней и весь Древний мир.

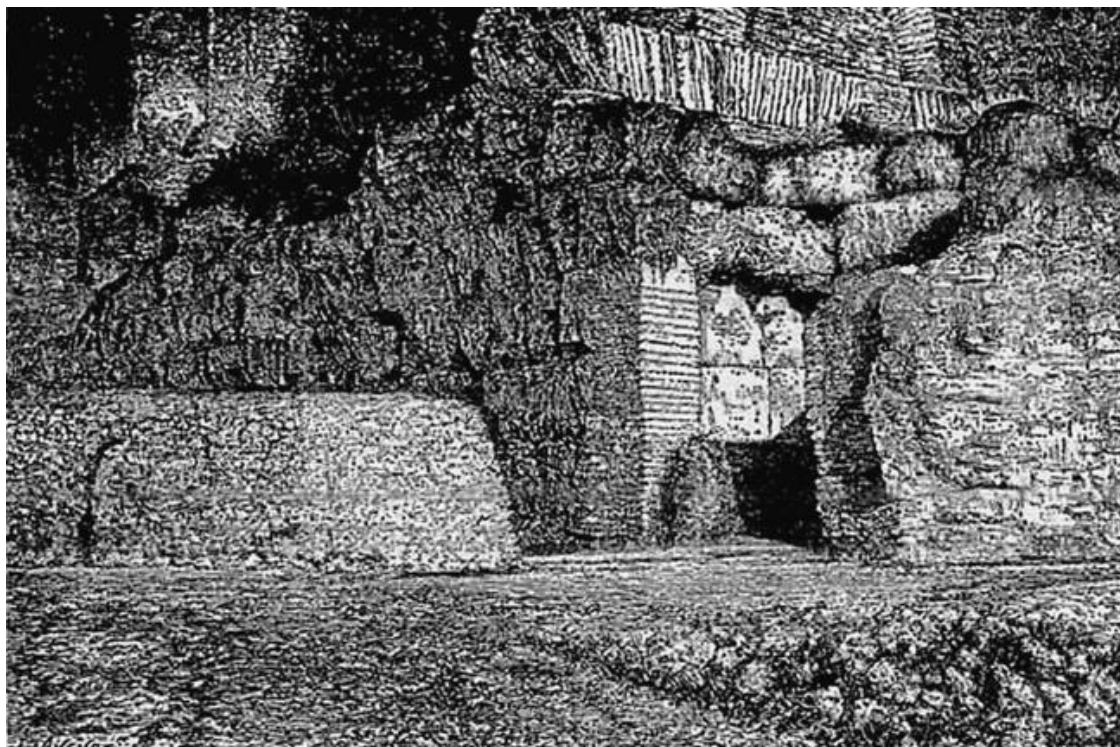
В царском Риме

Н. Губский

Рим по справедливости называют Вечным городом. В глубине веков теряется его происхождение, и много столетий жил он, окруженный славой и почетом в глазах всего человечества. Теперь Рим – столица Итальянского королевства и местопребывание главы Римско-католической церкви, и вместе с тем город памятников, напоминающих нам о ярком прошлом в жизни города. Вот роскошный и громадный собор Св. Петра, построенный около 400 лет тому назад, когда Рим был местом, куда стекались лучшие художники и архитекторы. Вот недалеко от города расположены катакомбы, подземные пещеры, где собирались первые христиане, где и теперь еще на стенах можно видеть остатки древнейшей христианской живописи. Вот величественные остатки от тех времен, когда Рим был не только столицей Италии, но городом – властелином обширной территории, обнимавшей весь юг и запад Европы, север Африки, запад Азии: мы видим развалины дворцов, построенных в честь римских императоров, триумфальные арки вроде тех, какие есть, например, в Москве (Триумфальные ворота, Красные ворота), колонны, конные статуи, уцелевший круг знаменитого Колизея, многоэтажного цирка, вмещавшего чуть не 50 тысяч зрителей, покрытое развалинами пространство, бывшее когда-то главной площадью Рима, и многое другое. Это время величия Рима хорошо нам известно, потому что кроме вещественных остатков сохранились до наших дней и письменные свидетельства, подробно рассказывающие о жизни столицы мира.

Но мы хотим добраться до еще более глубокого прошлого, до первых шагов Вечного города, когда он не успел покорить не только всего круга земель, лежащих вокруг Средиземного моря, но когда он не владел даже Италией, а был еще небольшим городом, который если и воевал, то с ближайшими своими соседями. Как узнать об этом далеком прошлом Рима?

Позднейшие римляне помнили, что основали город и первые столетия правили им цари, и целый ряд сооружений приписывали царям. Теперь еще мы можем видеть на одном из римских холмов (Палатинском), недалеко от развалин императорского Рима, остатки какого-то сооружения, в виде больших, грубо сложенных камней. Это – следы древнейшей городской стены, устроенной, как верили впоследствии римляне, основателем города и первым его царем Ромулом. Если мы спустимся вниз к Тибру, то увидим выступающее к реке жерло громадной водосточной трубы. Эту трубу много раз чинили, много раз переделывали, но впервые проведена она была, как гласило предание, пятым римским царем Тарквинием Древним. Кое-где в городе мы можем также видеть остатки другой стены, окружавшей когда-то Рим, – она возведена была по преданию царем Сервием Туллем.

Остатки стены Ромула

В общем остатков царского Рима немного, мы не знаем даже, к той ли поре относятся и только что названные остатки, да и известий достоверных от этого времени не дошло до нас. Но кое-что мы знаем иначе. Позднейшие римляне, господствовавшие над миром, любили останавливаться на своем далеком прошлом; в своей жизни, в своей религии они старались соблюдать обычаи и обряды, существовавшие еще в первые века жизни Рима. Каждый год, например, в феврале месяце римляне собирались к Палатинскому холму смотреть на такое зрелище. Группы людей в странных, похожих на пастушеские, костюмах собирались на этот холм для поклонения одному из многочисленных богов, которых чтили римляне. Здесь они приносили в жертву коз и собаку, потом сбрасывали с себя одежду, опоясывались козьими шкурами, выкраивали из этих же шкур ремни, обегали с ними кругом холма и хлестали всех, им попадавшихся. Что это такое? Это священный обряд в честь бога Луперка, обряд, установленный еще основателем Рима царем Ромулом. Первоначально пределы Рима ограничивались только Палатинским холмом, поэтому и в последующие времена, чтобы в точности соблюсти заветы Ромула, бег ограничивался теми же пределами, хотя самый город давно уже разросся и на другие холмы и по ту, и по другую сторону Тибра. В настоящем обряде, таким образом, оживало перед римлянами далекое начало их города.

Нечто подобное мы можем наблюдать и в других обрядах, совершавшихся в более поздние времена. Римляне признавали множество богов. Почти каждый шаг человеческой жизни, почти каждый нужный человеку предмет имел своего особого покровителя. Простой человек не запомнить даже названий этих божеств-покровителей; это могут знать только жрецы. А если у них спросить, откуда им известны все названия божеств, все правила служения богам, они ответили бы следующим образом: после воинственного царя Ромула царствовал миролюбивый и набожный Нума Помпилий; всю свою жизнь он заботился о делах божественных и оставил для потомства драгоценные записи, из которых мы узнаем все, что надо знать для поклонения богам и для их умиловления. Но не сам Нума Помпилий сочинил эти записи; благодаря своему благочестию Нума был близок к богам; особенно любила его одна богиня Эгерия, которая часто являлась к нему и помогала своими советами в делах управления; с ее-то слов он и

записал наставления о том, как надо ублажать богов. С помощью богини Эгерии Нума иногда мог перехитрить самих богов; так ему нужно было знать, как следует очищать молнии, ведь молнии – знак гнева самого главного бога Юпитера; место, куда ударила молния, считается нечистым; чтобы очистить его, надо принести жертву и сотворить молитвы. Но какую жертву принести и какие молитвы прочесть, этого не знала сама Эгерия. Зато она помогла Нуме поймать двух лесных богов, Пика и Фауна; Нума их напоил вином и узнал через них то, что ему требовалось. Вот что сообщили бы жрецы о втором царе города Рима.

Остатки стены Сервия Туллия в Риме

А чтобы еще лучше пояснить всю важность наставлений благочестивого Нумы, жрецы рассказали бы поучительную историю о третьем римском царе Тулле Гостилии. Воинственный и суровый Тулл, в противоположность Нуме, больше всего любил войны. В войнах – и удачных войнах – прошло почти все его царствование, а божественными делами он пренебрегал. Юпитер в наказание наслал на римлян моровую язву. Тогда Тулл Гостилий стал усиленно заботиться о совершении умиловительных обрядов и приношении жертв. Но недостаточно внимателен он был к тому, что здесь надо совершать все с величайшей тщательностью: молитвы надо читать слово в слово; в жертву надо приносить при одних обрядах козу, при других – свинью, при третьих – собаку, и т. п., строго следуя указаниям, преподанным Нумой. Тулл погрешил против постановлений Нумы и провел обряд настолько неправильно, что разгневал Юпитера, и тот уничтожил молнией и царя, и весь его дом.

Такие рассказы ходили о первых правителях Рима; как видно, немало чудесного и таинственного примешивали рассказчики к своему повествованию. Сам Ромул был, по преданию, сыном бога Марса, и конец его был не менее чудесен, чем его рождение и вскормление волчицей. Он производил как-то смотр своему войску; во время смотра поднялась сильная гроза, и вдруг Ромула как туманом скрыло от присутствующих. Боги восхитили его на небо, и сам Ромул, сошедши с высот, возвестил об этом одному из знатнейших римлян, прибавив, что боги предназначили основанному им городу быть столицей мира.

Римляне любили слушать такие рассказы о своих предках. Народу, гордому своими победами и завоеваниями в разных частях света, они казались правдоподобными. Даже те историки, которые сами мало доверяли ходившим легендам, все же записывали их и излагали как происходившие в действительности события. «Простим древности право, – говорили они, – которое она себе присвоила: к рассказам о древнейших временах примешивать божественные силы. Но если какому-нибудь народу позволительно вести свое начало от богов, то, конечно, римский народ имеет на это особенное право. Военная слава его такова, что и прочие народы, признавая его власть над собой, не могут не согласиться, что предок его и родоначальник – бог войны Марс». Потомки бога Марса, римляне не могли себе представить, чтобы даже в начале своей истории они были кем-нибудь побеждаемы. Все цари, кроме никогда не воевавшего Нумы Помпилия, ведут у них счастливые войны, побеждают врагов, отнимают у них земли, разоряют их города. Одни только Ромул и Тулл Гостилий покоряют 12 городов, и их преемники оказываются не менее счастливыми. Имя римлян тогда уже становится страшным; все боятся этого, недавно еще возникшего, города.

Так смотрели на свое далекое прошлое эти потомки бога Марса. Но мы не можем смотреть на это время их глазами. Правда, город разрастался, он вмещал в себе уже не один Палатинский холм, а несколько – Капитолийский, Авентинский и другие; но все же это был совсем небольшой город, обитатели которого жили в незатейливых круглых хижинах с соломенной крышей или в небольших четырехугольных, почти столь же простых жилищах, занимались обработкой земли, скотоводством и начинали вести торговлю. Если и страшно было имя нового города, то только для небольших городов и селений, ютившихся где-нибудь поблизости. Северной соседке, сильной и богатой Этрурии, Рим того времени никакого страха не внушал, но впоследствии римлянам, когда они уже покорили Этрурию, приятнее было думать, что их город всегда был страшен, что и при царях слава его возбуждала зависть у других городов и народов Италии.

Капитолийская волчица

А как живут и действуют цари в самом Риме, и что их окружает? И на этот счет сложилось немало рассказов. Царь вступает в управление государством не раньше, чем боги дадут ясный знак своего расположения к нему. К новому царю подходит один из жрецов, умеющих разбираться в знамениях, посылаемых богами, и оба они поднимаются на вершину одного из римских холмов. Там жрец сажает царя на камень, лицом к югу, и слева от него садится сам. В руках у жреца палка с загнутым концом. Окинув глазами весь город, жрец творит молитву богам и своим посохом чертит по небу две крест-накрест пересекающиеся линии – одну с востока на запад, другую с юга на север. Потом он берет посох в левую руку, а правую возлагает на голову царя, и обращается с следующей молитвой к Юпитеру: «Юпитер-отец, если соизволяешь ты тому, на голове которого я держу руку, быть царем римским, пошли нам знамения твоего соизволения в пределах, мною обозначенных». Затем жрец внимательно смотрит на небо и ждет. Боги посылают благоприятный знак (показывается, например, орел); стало быть, Юпитер соизволяет и новый царь может править Римом.

На другой день новый царь является перед народом со всеми знаками своей власти. Он восседает на снабженном колесами кресле, сделанном из слоновой кости; голова его украшена золотым венком; в руке он держит скипетр из слоновой кости, завершающийся изображением орла. Если прочие граждане носят скромную белую или серую одежду, то царь резко выделяется от них своей расшитой по красному фону тогой, красиво переброшенной через левое плечо. Из-под тоги выделяется красная же, обрамленная золотом нижняя одежда (туника). За царем следуют 12 телохранителей. Все они держат в руках связки прутьев, среди которых вышается топор – знак, что царь имеет право распоряжаться жизнью своих подданных.

Дел у царя много. Он очень часто сам творит суд, разбирает дела об убийствах, о кражах, о других проступках, назначает за них наказания; он же заботится о благоустройстве города. Когда идет война, царь сам предводительствует войском; перед лицом богов он – главный представитель Рима и должен сам приносить жертвы и совершать молебствия в особенно торжественных случаях. Приходится ему также издавать законы и предписания. Не всегда, однако, царь действует так, как ему хотелось бы. В Риме с древнейших времен существовал, например, обычай, что преступник, осужденный на казнь, может обращаться к народу с просьбой о помиловании.

О происхождении этого обычая сложился такой рассказ. Во времена Тулла Гостилия Риму пришлось воевать со старинным и сильным городом Альбой Лонгой. Когда оба войска приблизились друг к другу и готовы были завязать бой, предводитель альбанцев предложил, во избежание кровопролития, решить дело не общим сражением, а каким-нибудь другим способом, вскрывающим волю богов. Царь Тулл согласился. И вот оказалось, что и в римском, и в альбанском войске находятся по трое братьев-близнецов, у римлян – Горации, у альбанцев – Куриации. Решено было, что первые выступят против вторых, и исход их борьбы должен считаться равносильным исходу сражения. Долго сражались Горации с Куриациями; двое Горациев были убиты, трое Куриациев были ранены. Оставшийся в живых Гораций одолел своих противников и выиграл тем дело римлян.

Капитолийский холм (слева направо – храм Юпитера, храм Юноны, Тарпейская скала)

Все римляне горячо приветствовали молодого победителя, и в городе ему приготовлена была торжественная встреча. Но сестра победителя, которая была невестой одного из убитых им Куриациев, не могла сдержать своей горести и стала оплакивать смерть жениха. Гораций в свою очередь не мог сдержать своего гнева и в раздражении убил сестру. Убийцу привели на суд к царю и приговорили к смертной казни. Но ввиду доблести, проявленной Горацием, ввиду услуги, оказанной им римскому народу, царь разрешил ему перенести дело на суд народа. Народ долго колебался, но все-таки помиловал Горация.

Конечно, весь рассказ о Горациях и Куриациях и о самом царе Тулле Гостилии – только легенда. Но она хорошо показывает, что римляне считали глубокой стариной обычай обращаться к народу всякий раз, когда одного из римских граждан присуждали к смертной казни. Было ли это так при царях, мы не знаем, но, во всяком случае, после царей консулы обязаны были предоставлять осужденному на казнь право обращаться к народу. Мы видим здесь также признание, что все римские граждане, вместе взятые, – вот кто в сущности является настоящим властелином. От них получают свою власть цари, но, управляя городом, царь должен соблюдать законы и обычаи народа.

В том же повествовании о Горациях рассказывается и о том, как горячо заступался перед народом отец за своего сына, признавая, что сестру свою тот убил по заслугам. Если бы, говорит отец, дочь его не была убита, он сам бы убил ее. За это никто, даже сам царь, не мог бы, судить его, потому что тогда он воспользовался бы только своим *отцовским правом*. Какое же это отцовское право, против которого ничего не мог бы сделать сам царь? Римляне и в те древнейшие времена, и во времена более поздние признавали, что в своей семье, среди своих домашних, отец пользуется неограниченной властью. О власти мужа над женой говорилось так: «Муж судья своей жены. Он делает что хочет. Если жена совершила какой-нибудь проступок, он наказывает ее; если она выпила вина, он порицает и осуждает ее; если она изменила ему, он убивает ее». Таким же образом отец семейства мог поступать с каждым из членов своей семьи.

Семья Древнего Рима не похожа на нынешнюю. Семья насчитывала сплошь и рядом несколько десятков, а иногда и больше, своих членов. Туда входили и сыновья, и жены сыновей, и незамужние дочери и люди, совсем не родные по крови «отцу семейства». Дело в том, что настоящими римлянами, которые находились под охраной римских законов и обычаев и считались свободными гражданами, были далеко не все, жившие в Риме. Предание рассказывает, что, когда Ромул основал город, он выбрал из своих товарищей сто лучших людей, которые стали его постоянными помощниками, с которыми он обыкновенно совещался о важных делах. Эти сто лучших людей и названы были из уважения к ним «отцами», а потомки их стали называться «отцовскими детьми», или патрициями (по-латыни отец – *pater*). Одни только патриции и были вполне свободными людьми. Из них выходили жрецы, судьи, воины; они участ-

вовали в народных собраниях, на которые созывался иногда народ, для решения, например, вопроса, вести войну или нет.

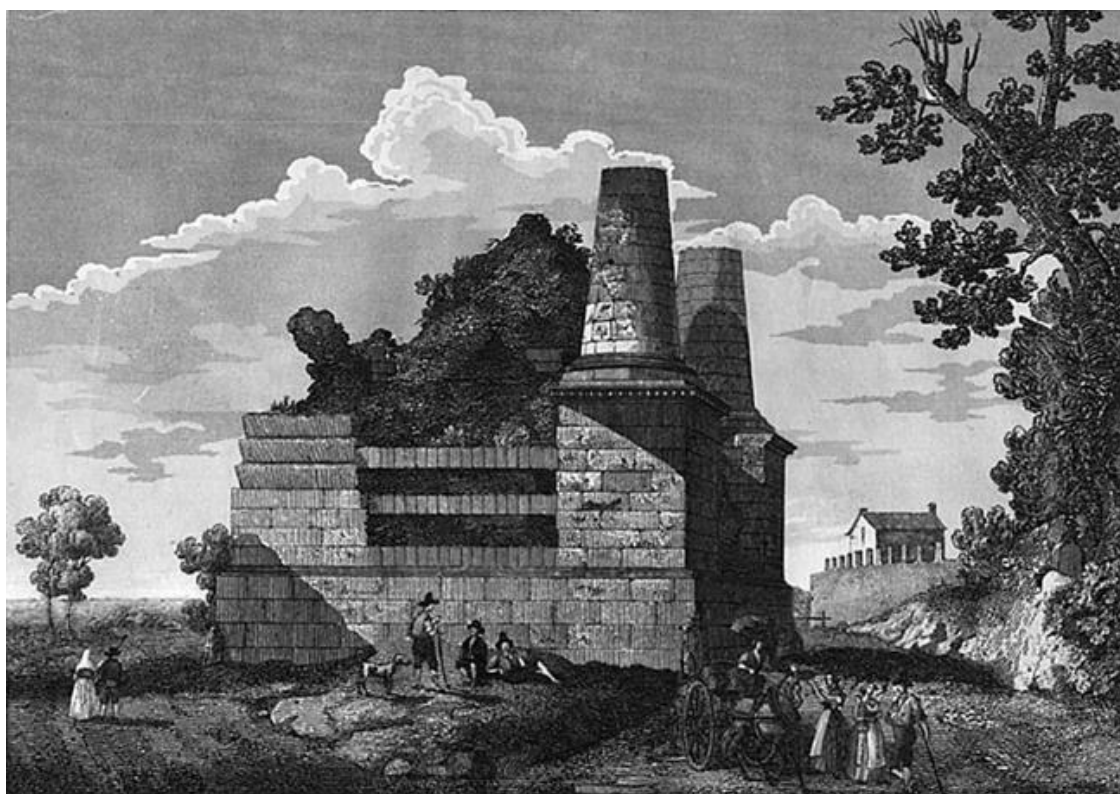

Слоаса Maxima в Риме, проведенная, по преданию, пятым царем Тарквинием Древним

И законы, и священные обычаи защищали права патрициев. Того, чем они владели, никто не мог у них отнять; посягнувший на жизнь патриция подвергался суровому наказанию. Но приходит в город какой-нибудь чужестранец. У него нет защиты. Вдруг у него отнимут имущество – на суд он явиться не может, потому что суд существует только для граждан. Ему нельзя жить в городе; его жизнь и его имущество не обеспечены. У него один выход. Он обращается к какому-нибудь патрицию и просит оказать ему свою поддержку и свое покровительство. Если у нашего чужестранца есть деньги, есть какое-нибудь имущество, он отдает часть патрицию и обещает из всех доходов, какие у него будут, выплачивать ему долю. А если у него нет средств, он может работать, обрабатывать своему покровителю землю, пасти его стадо и т. п. Патриций охотно принимает под свое покровительство чужестранца, и между ними заключается договор. Покровитель вводит его в свой дом, заставляет его поклониться своим домашним богам и общается его к своей семье. Чужестранец перестает быть чужестранцем, он становится клиентом, как говорили в Риме, т. е. человеком, зависимым от своего покровителя. Клиент клятвенно обещает выполнять все условия, на каких он просит себе помощи, а покровитель клянется не вредить ему, а помогать. Если у клиента завяжется спор с кем-нибудь и дело дойдет до суда, то он может быть спокоен. Его покровитель явится на суд и будет всячески стараться защитить своего клиента от несправедливости. Таких клиентов много было в Риме, и чем богаче и знатнее была семья, тем охотнее обращались к ней за помощью.

И чем дальше шло время, тем больше и больше становилось население Рима, и все больше появлялось чужестранцев, желавших поселиться в этом городе. При царях Рим посте-

пенно разрастался. Давно прошла пора, когда городом считалось только пространство на Пала-тинском холме, окруженное стенами Ромулом. Поселения римские переходили и на холмы прилегающие; каждый царь очищал какой-нибудь холм (а то и несколько) от покрывавших его деревьев и возводил постройки. Отнимали римляне клочки земли и у ближайших своих соседей, и позднейшие легенды рассказывают про четвертого царя Анка Марция, что ему удалось уже пробраться к морю и на морском берегу построить гавань Остию. Римляне стали пускаться в торговые путешествия и через свою гавань пропускать чужие корабли к городу и дальше по Тибру, в места, принадлежавшие другим племенам. Эта торговля сделала еще более привлекательным Рим для разных лиц, которые могли или сами торговать, или служить хорошими помощниками для смелых людей, отправляющихся в морские плавания. Еще больше стало появляться пришлых людей, переходивших в клиенты римских патрицианских семей.

Гробница Горациев и Курициев. Гравюра 1851 г.

Не из одних только пришельцев выходили клиенты. Среди самих патрициев некоторые семьи беднели, оказывались в затруднительном положении и, подобно чужестранцам, искали себе покровительства в лице какого-нибудь зажиточного патриция и поступали в число его клиентов. Много было и таких клиентов, которые забыли уже, почему они связаны с какой-нибудь патрицианской семьей; они знали только, что и отцы их, и деды находились от нее в такой же зависимости.

Кроме клиентов, римский отец семейства простирает власть и на своих рабов. Рабы уже совсем несвободные люди; у них ничего своего нет, они шагу не могут сделать без разрешения своего господина. Рабов было тогда еще немного, и владели ими только наиболее богатые патриции. Но, как ни печально было положение раба, он считался, однако, членом семьи, находился под покровительством тех же домашних богов, каким служили его хозяева, участвовал в семейных молитвах, и хоронили его в том месте, где хоронились и другие, свободные, члены семьи.

Такова была семья в Древнем Риме. Семьи, происходившая от одного общего предка, носили одну и ту же фамилию, они помнили свое родство; сходились вместе на общие празднества – у группы семей, носящих одинаковую фамилию, есть свои особые святыни и свои празднества, подобно тому как свои святыни и свои празднества имеет и каждая семья, и хоронили своих в одном и том же месте. Такие семьи образуют один род Корнелиев, род Валериев и другие. Иногда какой-нибудь род при многочисленности отдельных семей, в него входящих, мог насчитывать тысячи две-три своих членов. Связь между ними поддерживается не только общими празднествами. Если кто-нибудь из рода Корнелиев подвергнут наказанию штрафом, то деньги платит не одна семья присужденного к наказанию, но и другие семьи, входящие в род. В еще более глубокую старину родство чувствовалось особенно сильно: если оскорбляли кого-нибудь из Корнелиев, тогда все Корнелии считали себя оскорбленными и считали своим долгом мстить обидчику, а иногда не только обидчику, но и всему его роду. И позднее в Риме продолжали думать, что между всеми, носящими одну общую фамилию, связь очень тесная; поэтому, если кто-нибудь из них сделает нехороший поступок, то тень падает и на весь род.

Каждый из этих родов имел хоть одного из своих членов в том собрании, которое, по преданию, учреждено было Ромулом и состояло при нем из 100 лучших людей, а впоследствии дошло до 300. Когда царю хотелось изменить законы, когда нужно было думать о военных приготовлениях, он совещался с этим собранием, сенатом, как его называли. Патриции отстаивали свои права, да и царю невыгодно было ссориться с ними. Ну что, если два больших рода поднимутся против него? Это очень опасное положение, потому что сил у них много, недаром они отваживаются одни пускаться в войну с соседними городами. Вообще с сенаторами надо ладить. Они сами считают себя немного ниже стоящими, чем царь; они отличаются от прочих римлян своей одеждой. Правда, у них не красная тога, как у царя, но на своей белой тоге они носят пурпуровые каемки, и такие же каемки у них на нижней одежде. Подобно царю, они носят красные башмаки, только покороче, тогда как остальные римляне носят черные. А когда царь умирает, царская власть переходит к сенату и обязанности царя несут сенаторы. Один процарствует пять дней и сдает власть другому, другой третьему, и т. д. до тех пор, пока не будет избран настоящей царь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.